

A romantic couple, a man and a woman, are shown in profile, looking at each other. They are standing on a balcony or near a window with a view of a city at night. The background is a dark blue sky with stars and two constellation diagrams. The top diagram is the Lyra constellation, with the word 'Lyra' written next to it. The bottom diagram is a more complex geometric constellation. The couple is dressed in formal attire. The woman is wearing a dark blazer over a light-colored blouse, and the man is wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt and a dark tie. The overall mood is romantic and elegant.

Баланс сходится

Лира Тесс

Ли́ра Тесс

Баланс сходится

<https://litres.ru/74681783>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марина Корнеева, главный бухгалтер «Вектор-Транс», находит ошибки в любых отчетах и умеет держать лицо в любой ситуации. Андрей Лавров, директор компании, привык прятать все настоящее за шутками. Они вместе вытаскивали бизнес из долгов, работали по ночам и научились понимать друг друга с полуслова.

У каждого из них есть секрет, который они годами скрывали даже от самих себя. Но одна новогодняя ночь способна перевернуть любые расчеты.

Остроумная и теплая история о двух трудоголиках, у которых все в жизни сходилось, кроме самого важного.

Содержание

Глава 1. Закрытие периода	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Баланс сходится

Глава 1. Заккрытие периода

В половине десятого вечера бизнес-центр «Атлант» начал гасить этажи один за другим, словно кто-то методично закрывал книгу. К десяти на двенадцатом этаже оставались гореть только два окна: угловое, директорское, и маленькое, бухгалтерское, с видом на парковку.

Марина Корнеева сидела в кресле, поджав под себя ногу, потому что туфли давно стояли под столом, и сверяла оборотно-сальдовую ведомость с актом сверки, который контрагент прислал в формате, достойном музея криминалистики. На мониторе горели сорок две красные ячейки. Рядом остывала третья за вечер чашка кофе, и на ее поверхности образовалась та самая пленка, которую в бухгалтерии принято называть «закрытием периода».

— Ты опять разговариваешь с цифрами вслух, — сказал голос от двери.

Она не вздрогнула. За два года научилась. Даже глаз не подняла сразу: дописала строчку, поставила отметку и только потом повернула голову.

Андрей Николаевич Лавров стоял в дверном проеме без пиджака, с закатанными рукавами и двумя бумажными стаканами из кофейни на первом этаже. Галстук съехал набок,

на скуле темнела полоска от маркера, а в глазах было выражение довольного, усталого мальчишки, которое он надевал только после девяти вечера, когда в офисе не оставалось никого, перед кем нужно изображать директора.

— Я не разговариваю, — сказала Марина. — Я веду допрос. Цифры упираются, но я умею быть убедительной.

— Знаю. Видел, как ты допрашивала налоговую. Инспектор потом неделю здоровался со мной шепотом.

— Он здоровался с тобой шепотом, потому что боялся, что я услышу.

Андрей рассмеялся, прошел внутрь и поставил перед ней стакан. Не глядя выбрал тот, на котором маркером было выведено «Без сахара, без совести». Эту шутку Марина придумала два года назад, а бариста почему-то увековечил ее на всех ее заказах. Она взяла кофе и на секунду задержала пальцы на картоне. Стакан был горячим, и это было единственное, что она позволяла себе чувствовать в такие минуты. Тепло от стакана. Ничего больше.

— Сколько красных? — спросил он, опускаясь на край соседнего стола.

Это было его место. Не гостевой стул, не кресло напротив, а именно угол стола слева от нее, откуда удобно заглядывать в монитор. Вряд ли он замечал, что за два года она ни разу не положила на этот угол бумаги.

— Сорок две. Было шестьдесят. Если «Транзит-Плюс» не пришлет нормальную сверку до утра, я поеду к ним и лично

сьем их главбуха.

— Подавишься.

— Я умею давиться красиво.

Он снова засмеялся. Марина смотрела в монитор и считала про себя, сколько раз за вечер ей удалось его рассмешить. Это была ее личная статистика, тайная графа в бухгалтерии собственной жизни. Четыре. Неплохо для вторника.

Они познакомились три года назад, когда Андрей пришел в «Вектор-Транс» наводить порядок в компании, которая выглядела благополучной только на сайте. Двдцатичетырехлетняя Марина тогда была заместителем главного бухгалтера, и первое, что она сказала новому директору, было: «Вы знаете, что у вас дыра в четырнадцать миллионов, которую все делают вид, что не замечают?» Андрей посмотрел на нее долго, потом ответил: «Теперь знаю. Вы поможете мне ее закрыть?» Так все и началось.

Потом была та самая зима. Крупный заказчик ушел к конкурентам и забрал с собой дебиторку. Банк внезапно пересмотрел лимиты. А в довершение пришла выездная налоговая проверка, которую кто-то очень хотел провести именно в этот месяц. Три недели они почти не уходили из офиса. Спали по четыре часа на диване в его кабинете, по очереди, чтобы второй мог работать. Ели доставку из одной и той же лапшичной и ругались так, что секретарша приемной на всякий случай уходила обедать в другой корпус.

И вытащили. Вдвоем, без чудес и без волшебных инве-

сторов, на упрямстве, бессонных ночах и убежденности, что компания, в которой работает сто сорок человек, не может просто так лечь и умереть.

Именно в ту зиму Марина поняла, что пропала. Не в какой-то один момент, а постепенно, как просачивается вода через плохо заделанный шов. Однажды в три часа ночи он заснул над договором, уронив голову на руки, а она вместо того, чтобы разбудить его, молча накрыла своим кардиганом и сорок минут работала в полной тишине, боясь скрипнуть креслом. И когда он проснулся и сказал в пространство: «Мне снилось, что мы все закрыли», она ответила ровным голосом: «Тебе снилась я. Я все закрыла». И он засмеялся, а у нее внутри что-то беззвучно сложилось пополам.

С тех пор прошло два года. Компания встала на ноги, оборот вырос втрое, в штате появились новые отделы, а Марина получила должность главного бухгалтера и репутацию человека, которого побаиваются даже руководители подразделений. «Железная Корнеева». «Баланс на двух ногах». «Не вздумай к ней идти без первички».

Она не опровергала. Образ был удобным. За ним можно было спрятать все остальное: квартиру, в которой в холодильнике жили только йогурты и коньячный лимон, мать, умершую пять лет назад, и отца, которого она не видела с детства. И человека, к которому она каждое утро приходила на планерку с папкой отчетов и сухим «Доброе утро, Андрей Николаевич», тогда как внутри у нее каждый раз происходи-

ло небольшое землетрясение.

— Корнеева, — позвал он. — Ты где?

— В акте сверки. Там страшно.

— Верю. Слушай, у меня к тебе серьезный вопрос.

Ее сердце сделало лишний удар, и Марина прокляла его мысленно, в самых выразительных бухгалтерских терминах.

— Слушаю.

— Ты пойдешь на корпоратив?

Она выдохнула. Конечно. Корпоратив. Пятница, ресторан на набережной, сто сорок человек, оркестр, конкурсы, начальник отдела логистики в костюме снеговика.

— Не знаю, — сказала она. — Пятница. Я собиралась остаться и добить сверку.

— Корнеева.

— Что?

— Это не вопрос. Я просто хотел услышать, как ты придумаешь отмазку. Первый раз за три года ты начала с «не знаю». Обычно ты сразу выкладываешь аргументы, с номерами пунктов.

Марина отпила кофе, чтобы выиграть секунду.

— Хорошо. Пункт первый: я не люблю корпоративы. Пункт второй: на корпоративах люди пьют и рассказывают друг другу вещи, которые потом приходится забывать, а мне и без того есть что забывать. Пункт третий: у нас закрытие года, и если я не...

— Пункт четвертый, — перебил он, — главный бухгал-

тер обязан присутствовать на вручении премий, потому что люди должны видеть, что деньги не взялись из воздуха, а их кто-то лично охраняет. Пункт пятый: я не хочу весь вечер сидеть за столом с логистами и слушать, как Семеныч рассказывает про свою дачу. Пункт шестой.

— Есть шестой?

— Шестой я пока не придумал. Но он будет.

Она посмотрела на него. Он сидел, чуть улыбаясь, покачивая ногой, и рассматривал ее с тем выражением, которое она за три года так и не научилась расшифровывать. Это было не просто дружеское выражение. Не совсем деловое. Что-то выжидательное, словно он задал вопрос и ждал, что она ответит на другой, не прозвучавший.

Она давно решила, что это игра света. Люди видят то, что хотят видеть, а она, к несчастью, очень хотела.

— Я приду, — сказала Марина. — Но только потому, что хочу посмотреть на тебя в роли Деда Мороза.

— Ты знаешь про костюм?

— Вся бухгалтерия знает про костюм. Лена из отдела кадров видела смету на аренду. Шестнадцать тысяч за бороду и валенки.

— Это не просто борода. Это борода премиум-класса. Настоящий волос.

— Чей?

— Не уточнял. Боялся ответа.

Она расхохоталась, по-настоящему, откинув голову, и

услышала, как он замолчал. Всего на мгновение, на долю секунды, но замолчал, и в этой тишине было что-то такое, от чего она сразу взяла себя в руки, выпрямилась и снова уткнулась в монитор.

— Ладно, — сказал Андрей, поднимаясь. — Мне нужно подписать приказы. Я у себя. Если «Транзит-Плюс» пришлет сверку, разбуди. Если не пришлет, тоже разбуди. Мне нравится, когда ты ругаешься.

— Иди работай.

— Слушаюсь, Марина Сергеевна.

Он ушел, и в комнате сразу стало на несколько градусов холоднее. Марина посидела неподвижно, слушая, как в его кабинете включается лампа, как скрипит кресло, как шуршат бумаги. Потом тихо, одними губами, сказала в пустоту:

— Какая же дура.

Цифры на мониторе остались красными.

К часу ночи сверка пришла. Девять красных ячеек превратились в три, и Марина решила, что остальное подождет до утра. Она собрала сумку, заперла сейф, выключила лампу и обнаружила, что свет в кабинете директора все еще горит.

Она постучала в приоткрытую дверь.

Андрей сидел за столом, откинувшись в кресле, и смотрел в окно. На столе перед ним лежали подписанные приказы, аккуратной стопкой, и ни одного не было в работе. Он не писал и не читал. Когда она вошла, он повернул голову не сразу, и в этом промедлении было что-то незнакомое: лицо

без улыбки, без прищура, без привычной готовности к шутке. Усталое, спокойное, чуть растерянное лицо человека, которого застали за разговором с самим собой.

Потом оно мгновенно собралось.

— Сверка пришла?

— Пришла. Остались три позиции, я их утром добыю. Ты чего не спишь?

— Я сплю. С открытыми глазами. Это навык руководителя.

— Андрей.

Она сама удивилась, что назвала его просто по имени, без отчества. Такое случалось раз в несколько месяцев, обычно в три часа ночи и всегда нечаянно. Он тоже заметил. Она увидела, как у него дрогнул уголок рта.

— Все хорошо, Марина. Просто задумался. Иди домой, пока лифты еще ходят.

— Лифты ходят всю ночь.

— Тогда иди, пока не передумала.

Она постояла еще секунду, потом кивнула, пожелала спокойной ночи и пошла к лифту. Нажала кнопку. Двери открылись. Она вошла и не обернулась, потому что знала: если обернется, то увидит, что он стоит в дверях кабинета и смотрит ей вслед. А если увидит, то поверит. А поверить было нельзя. Это был единственный пункт в ее личном бухгалтерском регламенте, нарушать который она себе запретила.

Двери закрылись.

Андрей остался стоять в коридоре и смотрел на цифры над лифтом: двенадцать, одиннадцать, десять. Когда они дошли до единицы, он вернулся в кабинет, сел и посмотрел на свои руки.

Три года. Он не любил считать, это было ее занятие, но это число он знал точно. Три года и два месяца с того дня, как невысокая девушка в строгом сером пиджаке посмотрела на него без тени почтения и сказала про дыру в четырнадцать миллионов. Он тогда подумал: вот человек, которого я хочу видеть рядом, когда все рухнет. А потом все рухнуло, и она осталась. Не вместе с ним, не «рядом», а вот именно так, как положено хорошему союзнику: на соседнем краю стола, с калькулятором в руках и ядовитой репликой на языке.

Слишком поздно он понял, что хочет не союзника.

Он умел скрывать. Это было его профессиональное качество, такое же, как умение вести переговоры и держать лицо на советах директоров. Он шутил, потому что шутка была самым надежным забором: через нее никто не заглядывал. Он называл ее «Корнеева», потому что это звучало как приказ, а не как нежность. Он садился на угол ее стола, потому что оттуда удобно было смотреть в монитор, и еще потому, что оттуда он мог видеть, как она, думая, закусывает карандаш и хмурит лоб.

Она ни о чем не догадывалась. В этом он был уверен. Умная до безжалостности в отношении цифр и совершенно слепая в отношении самой себя.

На спинке ее свободного кресла осталась висеть серая кофта: она забыла ее, когда уходила. Андрей посидел минуту, глядя через открытую дверь на этот кусочек ткани. Потом встал, прошел в бухгалтерию, снял кофту, сложил и положил на стол. Аккуратно, как документ. Передумал. Положил обратно на кресло, туда, где она найдет ее утром.

На пороге он остановился и сказал вслу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.